

Вопросы теории

ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Красникова Евгения Васильевна

*Кандидат экономических наук, доцент,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет
(г. Москва, Россия)*

Аннотация

Новизна работы состоит в попытке обосновать происхождение экологического кризиса с точки зрения политической экономии. Оно усматривается автором в исчерпании потенциала индустриально-капиталистического развития ввиду завершения капитализмом своей исторической миссии – индустриализации как особого качественно определенного этапа в развитии производительных сил. А внешней формой такого исчерпания предстал экологический кризис, явившийся следствием реализации имманентной капитализму целевой установки на максимизацию прибыли. Такой установкой была порождена парадигма экономического роста, измеряемого ее культовым показателем ВВП, безграничное наращивание которого неизменно сопровождалось хищническим использованием природных ресурсов. В конечном счете оно обернулось экологическим кризисом, доведенным ныне до состояния экологической катастрофы. Ситуация была усугублена и тем, что экономический рост сопровождался ростом численности населения, к настоящему времени, по экспертным оценкам, многократно превысившей потенциал биосферы, приумноженным еще и избыточным потреблением, присущим человеку экономическому.

Преодоление экологического кризиса – функция иной системы экономических отношений, ориентированной не на максимизацию прибыли, не на экономический рост, но на сбалансированное социо-эколого-экономическое развитие, наиболее активно реализуемое ныне внедрением принципов ESG. Смена парадигмы развития предпослана становлением новой экономической системы в недрах капитализма, усматриваемом автором в «размывании субстанции собственности», в упразднении монополии частных форм собственности, в появлении и все более широком распространении особой разновидности индивидуальной собственности – интеллектуальной. Следствием этих процессов явилось размывание и социальной структуры общества, ныне уже весьма отличной от классической, присущей капитализму.

Ключевые слова: капитализм, парадигма экономического роста, экологический кризис, посткапитализм, парадигма устойчивого развития.

JEL коды: G32, P14, P16, Q01, Q56.

Для цитирования: Красникова Е.В. Политэкономическая интерпретация экологического кризиса // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2022. Том 14. Выпуск 3. С. 25-47. DOI: 10.38050/2078-3809-2022-14-3-25-47

Введение

Проблема экологического кризиса ныне одна из тех, к которой приковано внимание ученых и политиков всего мира. Тому есть веские основания, суть которых – реальная угроза его перерастания в необратимую экологическую катастрофу. Впервые в качестве таковой она была осознана членами Римского клуба, созданного в апреле 1968 г. Но проблема истощения природных ресурсов ввиду их хищнического использования, углубляющейся деградации внешней среды непосредственно связывалась не с природой капитализма как таковой, а с не лучшими «человеческими качествами» (Печчеи, 1985), именно капитализмом в экономической среде и сформировавшимися, а также с избыточной относительно потенциала биосферы численностью населения. Достоин упоминания и американский ученый Г. Марш, который еще в 1864 г. предупреждал человечество о неизбежности губительных последствий его хищнической деятельности: «...если человек будет продолжать свою преступную и непредусмотрительную деятельность, то земная поверхность может дойти до такого расстройтва, оскудения производительности и до таких климатических крайностей, что последствием этого может быть совершенное извращение, одичание и даже исчезновение людей» (цит. по: Баландин, 1969, с. 248). Воистину великое пророчество, прозвучавшее за полтора века до экологической катастрофы!

Расхищение природы было заведомо предпослано целевой установкой капитализма на максимизацию прибыли, чрезвычайно приумноженной чрезмерной относительно потенциала биосферы численностью населения планеты Земля, также этой установкой обусловленное. Численностью, весьма приумноженной еще и склонностью человека экономического (а именно в таком облике выступает *homo sapiens* в эпоху капитализма) к избыточному личному потреблению во всем многообразии его форм. Весьма способствовало тому так и не приобретенная *homo sapiens* за всю свою долгую историю способность к мирному урегулированию всякого рода меж- и даже внутривострановых конфликтов, вследствие чего милитаризация экономики и поныне вносит более чем весомый вклад в разрушение биосферы, вплотную ставя человечество на грань самоуничтожения самим фактом ее наращивания, тем более развязыванием военных конфликтов, готовностью нажать на соответствующую кнопку и запустить ядерную войну, если политические лидеры сочтут это необходимым.

Ныне проблема в полной мере осознана человечеством, так как ситуация действительно доведена до критического состояния, чем и порождена активная деятельность ООН и его институтов на данном поприще, чему есть объективные основания – исчерпание потенциала парадигмы экономического роста, ныне вполне осознанное. О том свидетельствует уже тот факт, что на конференции ООН, состоявшейся в Нью-Йорке в 2015 г., была принята «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», включающая цели устойчивого развития для всех стран, а само такое развитие обрело статус официальной парадигмы с последующей конкретизацией этих целей и способов их достижения применительно к каждому из направлений развития: социальному, экономическому, экологическому. В российской экономической науке весьма обстоятельный анализ данной проблемы представлен в статье проф. С.Н. Бобылева (Бобылев, 2020).

Тем не менее разрушение окружающей среды, по утверждению генерального секретаря ООН А. Гутерриша, усиливается: «...все климатические показатели продолжают бить рекорды, предсказывая нам в будущем свирепые штормы, наводнения, засуху, лесные пожары и непригодные для жизни температуры на огромных участках территории нашей планеты. Нашему миру грозит климатический хаос» (Гутерриш, 2022). В такой отнюдь не надуманной ситуации тем более представляется не вполне уместной критика «экологического алармизма»,

даже если при этом (отнюдь не без оснований) трактовать его «методом конкурентной борьбы» (Тишков, 2021, с.9). Ситуация действительно не надумана, таковы последствия порожденной капитализмом парадигмы экономического роста, которой неведомы пределы хищнического воздействия на природу на протяжении целых двух веков – XIX и XX-го.

Представляется уместным дать и политэкономическое обоснование постигшего человечество бедствия, порожденного особенностями его экономической деятельности в эпоху капитализма. Уместно тем более, что такой подход к проблеме практически отсутствует в политэкономии вопреки его актуальности. Более того, сама современная экономическая система учеными по-прежнему трактуется капитализмом, хотя и в обновленном виде, хотя и не без критических замечаний в его адрес. Но критику в адрес капитализма вплоть до его полного отторжения дают при социологических опросах и рядовые граждане даже развитых стран, уровень жизни которых несравненно выше, чем в развивающихся, выше благодаря именно капитализму.

Отсутствие такого подхода явно свидетельствует о неполноте политэкономических исследований, притом, что углубление такого анализа современной экономической системы крайне значимо само по себе, равно как и для успешного преодоления экологического кризиса в том числе. В авторской интерпретации этот кризис не только порожден капитализмом, но еще и свидетельствует о полном исчерпании потенциала индустриально-капиталистического развития. Сменой качественно разных этапов в развитии производительных сил (а это смена индустриального развития информационно-цифровым), неизбежным следствием чего выступает смена экономических систем – капитализма посткапитализмом, и определяется современное состояние мировой экономики. В наследие от капитализма она получила не только успешно завершенную им индустриализацию, выступающую исходной предпосылкой для освоения информационно-цифрового этапа, но и глубокий экологический кризис, преодоление которого предстает функцией иной экономической системы, но не капитализма, даже обновленного.

Политэкономическая интерпретация происхождения экологического кризиса

Глубинная причина экологической катастрофы усматривается автором в исчерпании потенциала индустриально-капиталистического развития. О том свидетельствует едва ли не полное завершение освоения индустриализации как качественно особого этапа в развитии производительных сил. А суть данного этапа как качественно особого состоит в последовательном вытеснении живого труда машинным по мере создания промышленного производства, базирующегося на законах классической механики, чем и достигается повышение производительности общественного труда как исходной предпосылки повышения жизненного уровня. Ее завершение оказалось возможным благодаря потенциалу частных форм собственности, основанных на кооперации наемного труда. Потенциалу, многократно приумноженному эволюцией индивидуальной частной собственности в частные формы ассоциированной вплоть до высшей по масштабам ассоциации собственников – акционерной. Именно это обстоятельство и позволило капитализму успешно выполнить свою историческую миссию в развитии производительных сил – завершить индустриализацию освоением третьей промышленной революции, «испортив», однако, такое завершение экологическим следом в облике глубокого экологического кризиса.

Причины устойчивого нарастания экологического кризиса вполне правомерно выявлять с позиции политической экономии, хотя именно такой подход в ней практически отсутствует. Между тем с точки зрения именно данной науки этот кризис есть прямое следствие индустриально-капиталистического развития, к настоящему времени исчерпавшего свой потенциал развития, развития индустриального. Признак такого исчерпания – успешное завершение капитализмом как системой экономических отношений своей исторической миссии в области развития производительных сил, зримый символ тому – «ни одного рабочего в цеху». А сам успех обусловлен имманентной капитализму целевой установкой хозяйствующих субъектов на максимизацию прибыли, на наращивание ВВП как носителя добавленной стоимости, на доминирование парадигмы экономического роста, измеряемого темпами роста этого показателя, культ которого вплоть до диктата не преодолен и поныне. Реализация такой установки достигалась в условиях жесткой конкурентной среды неизменной ориентацией экономических субъектов на инновационное развитие. Суть такого развития в эпоху капитализма состоит в последовательном освоении трех промышленных революций, вобранных историей индустриализации (первая базировалась на паровом двигателе, вторая – на электродвигателе и двигателе внутреннего сгорания, третья – это ИКТ и микроэлектроника, таков самый элементарный критерий их разграничения).

Неизбежным в такой экономической системе явилось и доминирование человека экономического со свойственной ему жаждой обогащения, коль скоро масштабами последнего определяется эффективность его экономической деятельности. Масштабами, ограниченными лишь его социальным статусом, что в свою очередь стимулирует стремление к его смене на более высокий или к его удвоению. Обогащения, достигаемого любыми доступными методами воздействия на природу, а иного не дано, коль скоро непосредственный процесс труда предстает процессом природопользования. В основе этих методов лежат крупные открытия фундаментальных естественных наук, неизменно и весьма успешно трансформируемые прикладными техническими науками в новую технику и технологии, становящиеся всеобщим достоянием, но прежде всего – наиболее предприимчивых представителей частного бизнеса.

В безудержном стремлении к обогащению *homo sapiens* явно пасует перед человеком экономическим, имманентным капитализму. Однако более чем очевидные разрушительные последствия его экономической деятельности не сдерживают его и поныне. И это притом, что есть весьма веские основания утверждать, что «...Биосфера как Целое, имеющее собственные гомеостатические механизмы, заговорила на языке процессов первой фазы Глобальной Экономической Катастрофы» (Субетто, Чекмарев, 2021, с. 229). Представляется, что ныне наиболее жестким и наименее ожидаемым явился язык пандемии, границы разрушительного потенциала которой для самого существования человечества едва ли будут исчерпаны ее активностью на протяжении последних двух лет, исчисляемой миллионами. Едва ли ввиду неисчерпаемого многообразия штаммов, рождающих ее очередную волну. А потому некое ее затихание не должно вводить в заблуждение. К тому же и заболевание может протекать незаметно, и отдаленные последствия (при этом не исключены тяжелые и пожизненные) не вполне изучены. Расшифровка этого языка с точки зрения взаимосвязи с экологическим кризисом представляется весьма однозначной: явная направленность пандемии в лучшем случае на сбалансированность численности населения с потенциалом планеты Земля, биосферы в целом. Неслучайно людские потери от ее «бесчинства» уже сопоставимы с военными, а войны – своего рода также «пандемия» с теми же разрушительными последствиями, совершенно сознательно устраиваемые самим человечеством на протяжении всей своей истории. Потому такое столь частое ныне сопоставление по людским потерям смотрится вполне корректным, хотя и

экономические весьма немалые. Так, одна инфляция, устремившаяся ввысь в мировой экономике, чего стоит, не говоря уже о печальной участи, постигшей сферу услуг, к тому же доминирующую ныне по основным макроэкономическим показателям, занятости прежде всего.

Иными словами, сложившуюся к настоящему времени экологическую ситуацию в мире правомерно трактовать прямым порождением индустриально-капиталистического развития. Его кризисное состояние предопределено завершением его истории, просматриваемым все более четко: по линии производительных сил – в смене индустриального этапа информационно-цифровым (общепринятого в науке определения этого этапа еще не сложилось), по линии производственных отношений – в разрушении имманентной капитализму монополии частных форм (именно монополии, но отнюдь не их самих) собственности формированием государственной. Более того, ее формирование послужило экономической основой превращения государства в макроэкономического субъекта. А это означало его превращение из скромного «ночного сторожа» в круглосуточного. Государство в качестве такового наделено широкими полномочиями своими инвесторами-налогоплательщиками, а таковыми выступает все экономически активное население. Этому субъекту вследствие особого происхождения государственной собственности присуща иная целевая установка экономической деятельности, установка на реализацию в пределах возможного общенациональных интересов, далеко не замыкающихся экономическими. Установка, упраздняющая доминирующее положение парадигмы экономического роста, имманентной частному бизнесу. Таковой становится парадигма устойчивого развития, в связи с чем важнейшей функцией макроэкономического субъекта выступает корректировка экономического роста, на который ориентирован частный бизнес. Тем самым устраняется абсолютизация такого роста, по сей день измеряемого темпами роста ВВП, чем измеряется еще и престиж страны (вспомним ошеломляющие темпы роста ВВП в КНР на протяжении всех лет рыночных преобразований). Такая корректировка направлена на полное преодоление и последующее предотвращение экологического кризиса, на решение социальных проблем в соответствии с потребностями и потенциалом нового этапа в развитии производительных сил. А это этап освоения NBIC-технологий, исходных в информационно-цифровой эпохе, в современной западной литературе, именуемой по инициативе Клауса Шваба, основателя ВЭФ, Четвертой промышленной революцией, сменяющей эпоху индустриальную. К стремительному освоению этих технологий и приступили развитые страны в новом веке.

Итак, капитализм как экономическая система сходит с исторической сцены вопреки прогнозам отнюдь не под воздействием пролетарской революции, как это представлялось на этапе классического капитализма с доминированием индивидуальной частной собственности, адекватной эпохе первой промышленной революции, не вследствие обретения массовой безработицей хронического характера, такового так и не принявшей, и даже не вследствие достигшего ныне чудовищных масштабов имущественного неравенства, все более глубоко раздражающего, но все же едва ли революционизирующего социальную среду. Такое неравенство всего лишь отражает состояние имманентной (а потому неустранимой) капитализму социальной структуры общества. Вопреки, так как именно с этими обстоятельствами ученые в области марксистской политической экономии традиционно связывали причины неизбежной гибели капитализма.

Не эти противоречия оказались губительными для него. Причина предстала иной, не предвидимой учеными или попросту обойденной их вниманием: исчерпанным с точки зрения парадигмы экономического роста оказался экономический потенциал планеты Земля (вдоль и поперек ныне изрытой в целях добычи природных ископаемых, осушенной-обводненной, вырубленной или засаженной в зависимости от потребностей человека экономического,

предельно засоренной им отходами, включая моря и океаны, заасфальтированной в процессе урбанизации, не говоря уж о массовом истощении и деградации почв). Такой ценой была осуществлена индустриализация. Осуществлена человеком эпохи капитализма, не знающим границ в своем безудержном стремлении к наращиванию ВВП как носителя вновь созданной стоимости, позволяющему и прибыль наращивать, и жизненный уровень повышать. Такое наращивание сопровождалось разрушительными последствиями, в числе которых предстала в конечном счете чрезмерная относительно потенциала биосферы численность населения, приумноженная еще и его склонностью к не ведающему границ избыточному потреблению.

Итак, суть экологического кризиса состоит в разрушении биосферы, явившимся следствием целевой установки частного бизнеса на максимизацию прибыли. Границы ее наращивания преодолевались последовательным освоением трех промышленных революций, каждая из которых позволяла все более хищнически воздействовать на природу. О губительных последствиях такого воздействия человечество не задумывалось, тем более не озадачивалось ими. Завершение их освоения оказалось тождественным завершению индустриализации, но тем самым завершению и истории капитализма, необходимостью осуществления которой капитализм обязан своим появлением на исторической сцене. Сама индустриализация была направлена на повышение производительности труда, так как потенциал такого ее повышения на базе ручного труда и примитивной техники был сполна исчерпан феодализмом. Как показала история, никакая иная система экономических отношений адекватной индустриализации не оказалась. Неслучайно феодализм даже не брался за ее осуществление, он всего лишь вынашивал капитализм в облике первоначального накопления капитала. И напротив, социализм, нежданно-негаданно явившийся на свет в аграрной стране, едва вступившей на тропу индустриализации, а потому не имевший ей альтернативы, активно взялся за ее осуществление. Взаялся, но сошел с исторической сцены задолго до завершения им второй и едва приступив к освоению третьей промышленной революции вопреки колоссальным усилиям на данном поприще. Сошел, так как система отношений государственной собственности в качестве господствующей оказалась неадекватной эпохе индустриализации. Более того, была сформирована глубоко разбалансированная экономика по всем параметрам, следствием чего и явился трансформационный спад 1990-х гг., беспрецедентный по масштабам.

Историей капитализма и еще более попыткой его подмены социализмом на этапе индустриального развития весьма убедительно проиллюстрировано диалектическое единство производительных сил и производственных отношений, каким оно предстает в трактовке К. Маркса: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие, отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил... На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями» (Маркс, Энгельс, 1955, т. 13, с. 6-7).

Такой ныне хорошо «известной ступенью» и предстает завершение индустриализации, для чего капитализму понадобилось два с небольшим века (символ того – «ни одного рабочего в цеху»), явившееся следствием автоматизации производства еще в годы индустриализации, окончательно – на основе использования ИИ. Но опустошение цехов означает еще и вымывание наемного труда, трактуемого объектом эксплуатации. Тем самым окончательно исчерпывается потенциал взаимодействия производительных сил индустриального этапа развития с адекватной этому этапу системой экономических отношений, предстающими отношениями эксплуатации наемного труда капиталом.

Внешней и весьма разрушительной для планеты и ее населения формой проявления такого исчерпания и предстал экологический кризис. Он ставит не подлежащую преодолению границу хищническому характеру взаимодействия с природой, уже доведенной хозяйствующими субъектами капитализма до состояния «клинической смерти». Сохранение курса на безудержное наращивание ВВП при игнорировании его последствий для состояния биосферы может обернуться реальной угрозой гибели не просто капитализма, но человечества в целом.

Прозрение все же наступает. Даже в КНР, лидирующей в мире по темпам экономического роста на протяжении всех лет рыночного реформирования, начавшихся на исходе 1970-х гг., в планах на очередную, 14-ю, пятилетку акцент на рост ВВП не просматривается. Более того, парадигма устойчивого развития в облике ESG приобретает черты реальности в большинстве развитых стран, в КНР – в числе первых.

Исторически исходными для качественно нового постиндустриального этапа в развитии производительных сил предстали NBIC-технологии. По мере их освоения занятость в сфере материального производства окончательно сводится к минимуму. Но минимуму интеллектуальному, способному управлять искусственным интеллектом (ИИ), перерастающим в качестве такового статус объекта капиталистической эксплуатации. Коренным образом преобразуется облик самого реального сектора. Преобразуется по линии и сферы материального производства с ломкой ее отраслевой структуры (в экономике США их ныне 450), и сферы услуг, все более насыщаемой услугами интеллектуальными, и соотношения данных сфер в границах этого сектора по основным макроэкономическим индикаторам. Особую актуальность в ходе такого преобразования приобретает жизненно значимый для человечества вопрос: будет ли компенсироваться падение занятости в сфере материального производства ее ростом в сфере услуг, а в ней ростом фриланса. Впрочем, не исключены и иные, но на современном этапе еще неведомые возможности повышения занятости.

Необходимостью освоения информационно-цифрового этапа востребована иная система экономических отношений, основная особенность которой состоит в том, что при сохранении частных форм собственности во всем их современном многообразии вплоть до стремительно растущей интеллектуальной по мере интеллектуализации труда упраздняется их монопольное положение становлением государственной, а тем самым и монопольное положение их экономических интересов. Экономическая деятельность частного бизнеса, традиционно ориентированного на максимизацию прибыли, не подрывается, но оказывается под контролем общества в облике наделенных соответствующими правомочиями государственных институтов и институтов гражданского общества. Ключевая установка такого контроля со стороны государства, выступающего в статусе макроэкономического субъекта, состоит в регулировании экономической деятельности малого, среднего и крупного бизнеса в целях обеспечения устойчивого развития общества, где под устойчивостью имеется в виду сбалансированность экологического, социального и экономического развития из-за их весьма противоречивого, а потому требующего особого внимания со стороны регулирующих органов взаимодействия. Прежде всего такая устойчивость обеспечивается подчинением экономического роста преодолению наследуемого от капитализма экологического кризиса во всех его аспектах в целях предотвращения экологической катастрофы и недопущения ее впредь.

Весьма актуальные есть и в числе социальных. Прежде всего это состояние системы здравоохранения (вспомним А. Шопенгауэра: «Здоровье – это не все, но если его нет, все остальное ничто»), актуальность которого крайне усугублена пандемией, в условиях непреодоленного экологического кризиса всего лишь взявшей паузу. Не менее значима и система образования, актуальность которой усугублена еще и проблемой занятости ввиду роста

технологической безработицы, порожденной завершением индустриализации и освоением технологий Четвертой промышленной революции. К тому же проблема занятости решается на фоне избыточной численности населения относительно потенциала биосферы. Усугублено ее решение и условиями переходного состояния мировой экономики, предпосланного сменой экономических систем, а это смена этапов в развитии производительных сил, порождающая смену экономических отношений. Как и всякая переходная эпоха она насыщена наследуемыми проблемами и порождаемыми новой системой.

В новых условиях востребованным оказывается человек интеллектуальный, формирование которого требует коренной ломки системы образования на всех ее уровнях, а само образование окончательно приобретает характер пожизненного. Весьма весомым следствием такой ломки явится соответствующее расширение сферы услуг за счет роста потребности в образовательных услугах, приумноженной к тому же персонификацией предоставления многих из них. В свою очередь это еще более ускорит и процесс формирования так называемой гигномики.

В целях ослабления последствий временного лага, который образуется вследствие разрыва между массовым высвобождением рабочих мест и их приростом, необходимым для подготовки принципиально нового профессионального состава рабочей силы, в качестве превентивной меры учеными предлагается внедрение безусловного базового дохода (ББД), способного снять остроту переходного периода. Именно потому он столь активно ныне обсуждается и даже апробируется на практике ряда стран далеко с не однозначным результатом. Напомним хотя бы об отрицательных итогах референдума относительно его внедрения в Швейцарии, проведенного в 2016 г. Как оказалось, население страны отнюдь не стремится к праздности (а угроза появления новой форма иждивенчества с введением ББД действительно велика), но ценит сам труд как достойный вид деятельности. Тем более велика ценность получающего все более широкое распространение интеллектуального труда, в качестве такового становящегося жизненной потребностью. Значим для формирования нового человека и такой фактор, как сокращение продолжительности рабочего дня и недели, тождественное увеличению свободного времени, потребность в котором резко возрастает в связи с формированием интеллектуальной личности, не имеющим временных границ, т. е. пожизненным. Но и увеличение отпускного времени, и более ранний выход на пенсию отнюдь не тождественны праздности, что получило обоснование и в науке (Ставинский, 1997).

Таков авторский вариант сугубо политэкономической трактовки наследия капитализма в облике экологического кризиса. Экономической деятельностью именно его субъектов, субъектов частного бизнеса, направленной на удовлетворение не имеющих разумных границ потребностей, достигаемое максимизацией прибыли, она и порождена. Со сменой индустриально-капиталистического развития постиндустриально-посткапиталистическим ориентация на накопление вещественного богатства уступает место ориентации на накопление богатства интеллектуального, не сопровождающегося разрушительными для биосферы процессами. Но осмотрительность и здесь необходима, тем более, что трудно предсказать, чем обернется изобретательность интеллектуала, по крайней мере ее и негативные последствия также не исключены (чего уже стоят только хакерские атаки). Массовый спрос на интеллектуалов, ставший реальностью, – такова исходная предпосылка освоения информационно-цифрового этапа в развитии производительных сил.

Достойны, однако, внимания и побочные следствия целевой установки капитализма как экономической системы на максимизацию прибыли, сопровождающуюся наращиванием ВВП. В их числе наиболее значимо и весьма трудно подлежащее решению нарушение баланса

между экономическим потенциалом биосферы и численностью населения планеты, многократно приумноженное еще и склонностью последнего к избыточному потреблению.

Нарушение баланса между потенциалом биосферы и численностью населения планеты

Не вполне ожидаемым и весьма неоднозначным следствием стремления человека экономического к удовлетворению своих не имеющих разумных границ потребностей, способствовавшего превращению общества потребления в общество избыточного потребления, явилось преодоление оказавшихся мнимыми экономических преград на пути роста численности населения планеты. В этой связи уместно вспомнить английского ученого начала XIX в. Т. Мальтуса, отнюдь не без оснований призывавшего ответственно относиться к формированию численности семьи. Ответственно вдвойне на тот исторический момент, а это была эпоха освоения первой промышленной революции. У ученого той эпохи, когда капитализм едва приступил к освоению первой промышленной революции, были веские основания полагать, что производство потребительских товаров, в авторской трактовке растущее в арифметической пропорции, отстает от роста численности населения, растущего в геометрической пропорции. Однако его теория доступности продовольствия, как было отмечено Л.Г. Саммерсом, «утратила свою состоятельность после промышленной революции» (Саммерс, 2020, с. 17), реально – после освоения второй.

Совершенно неожиданно суждения ученого приобрели особую актуальность ныне (Мальтус, 1992). Однако ситуация оказалась принципиально иной. Капитализм весьма успешно опрокинул опасения ученого: пропорция предстала прямо противоположной. Стремительный рост производства, измеряемый ростом ВВП, в конечном счете направленным на производство потребительских товаров, оказался способным многократно перекрывать рост численности населения, а тем самым стимулировать ее прирост ввиду растущей потребности и в самой рабочей силе по мере наращивания ВВП. Более того, «...техническое развитие сделало возможным прирост населения без снижения среднего долгосрочного уровня жизни» (Мокир, 2014, с. 473-474). Но, увы, ценой все большего расхищения природных ресурсов осмыслить негативные, тем более отдаленные по масштабам последствия такого расхищения человеку экономическому не было дано.

Тем самым был окончательно нарушен баланс между экономическим потенциалом биосферы, по экспертным оценкам экологов, адекватный 2 млрд человек, и численностью населения планеты, составляющей ныне без малого 8 млрд с неизменной тенденцией к росту (по прогнозам ученых, численность населения впервые начнет падать лишь со второй половины текущего века). Такой дисбаланс, будучи неизбежным следствием парадигмы экономического роста, представляется основной причиной исчерпания возможностей содержать на достойном уровне человечество как общество потребителей. Между тем именно на эту сторону проблемы не обращается особого внимания. Акцент ставится преимущественно на климатические изменения, оказывающиеся все более несовместимыми с жизнедеятельностью человека. А ныне ситуация усугублена еще и пандемией, которую мировая медицина не только предотвратить, но и окончательно одолеть не в состоянии. Временное затишье не должно вводить в заблуждение, так как экологический кризис, детищем которого пандемия является, не только не преодолен, но и продолжает углубляться.

В конечном счете Мальтус оказался прав даже в большей мере, чем полагал, но в иных масштабах измерения. Требуется всего лишь корректировка: сопоставлять численность

населения следовало с потенциалом не капитализма, легко им наращиваемым, но биосферы, однако науки экологии на тот момент еще не сложилось. Но даже проблема нищеты и голода отсталых стран меркнет перед проблемой выживаемости всего человечества в условиях его чрезмерной численности, усугубляемой присущей ему склонностью к избыточному потреблению. Поэтому эти крайние проблемы по-разному, но в равной мере значимы для судьбы человечества: и численность семьи должна быть под контролем, и неумеренность в накоплении вещественного богатства – чувство меры – более чем уместно. Отметим лишь для большей убедительности, что для того, чтобы обеспечить жизненный уровень среднего американца, требуется, по экспертным расчетам, потенциал еще пяти планет Земля, среднего европейца – трех. И это важно, так как их уровень потребления выступает неким эталоном жизненного уровня. Но он заведомо не достижим всем человечеством, исходя из ограниченности потенциала биосферы к наращиванию потребительских товаров, что весьма убедительно обосновывается учеными (см., например: Гайсин, 2021). А потому решать проблему нищеты разумно не только спасением голодающих путем оказания помощи со стороны развитых стран, но и осознанным регулированием рождаемости – прежде всего в слаборазвитых странах. Уместно напомнить, что в развитых странах она снижается по мере роста продолжительности жизни (при разумном образе жизни и первоклассной медицине и изменение климата тому не помеха), по мере снижения экономической значимости потомства. Решать разумно, в противном случае погибнем все, благополучие не спасет население и развитых стран. Именно поэтому и в наш век к формированию семьи следует подходить весьма осмотрительно, чтобы не только не плодить нищету, но и не обрекать человечество на гибель непрекращающимся ростом его численности, избыточной уже с середины XX в.

Это тем более важно, так как даже все более энергичное освоение космоса, к тому же также сопровождающееся его загрязнением, а тем самым еще больше и нашей родной планеты, следовательно, не без негативных последствий для землян, особой надежды на переселение не внушает в обозримой и к тому же все более сужающейся перспективе. Подходящей планеты нет как нет, хотя энтузиазм оптимистов-«поисковиков», в числе которых лидирует Илон Маск, не гаснет. Не опоздать бы, однако, с поисками!

Итак, чрезмерное воздействие капитализма как индустриального способа производства на природу во имя реализации целевой установки, имманентной ему как системе экономических отношений, многократно усугублено еще и несоразмерным с потенциалом биосферы ростом численности населения Земли, чему имманентная капитализму парадигма экономического роста весьма способствовала. При этом абсолютно не важно, какая модель капитализма преобладает в той или иной стране: с большей или меньшей свободой частного бизнеса и соответственно с меньшей или большей ролью государства. Важно, что это модели одной экономической системы с единой целевой установкой. Именно поэтому представляется абсолютно несостоятельным, например, утверждение, что «пандемия – дочь неолиберализма», как это пытается обосновать Антонио Фаллико – глава ассоциации «Познаем Евразию» (Фаллико, 2021, с. 12). Она – дочь капитализма любой «национальности», национальными особенностями населения стран порожденная. Именно она и породила избыточное население, а тем самым проблему, с которой сама биосфера небезуспешно пытается ныне справиться путем пандемии. К тому же даже численность населения отдельных стран для пандемии не существенна ввиду его высокой мобильности в условиях современного уровня глобализации. Расплачиваемся все в равной мере.

Стоит, однако, отметить и то обстоятельство, что самым неожиданным образом предупреждения Мальтуса пару веков спустя фактически оказались услышанными. И при этом

отнюдь неслучайно в КНР – самой большой по численности населения стране на нашей планете. По инициативе государства в КНР был проведен эксперимент по сокращению рождаемости официальным внедрением с 1979 г. принципа «одна семья – один ребенок». Эксперимент, как и все прочие, проводимые в данной стране в годы рыночного реформирования, традиционно для нее увенчался успехом. Ныне этот призыв в качестве официального упразднен за ненадобностью. Такая семья стала нормой, следствием чего может явиться прогнозируемое учеными сокращение численности населения страны. По экспертным оценкам к концу века она составит не более 1 млрд человек против 1,4 млрд в настоящее время. Весьма весомый вклад, но важно, чтобы он не был перекрыт «усилиями» на данном поприще других стран, например, Индией. Примечательно и то, что пошатнулось в КНР и культовое положение ВВП: в 14-м пятилетнем плане он по-прежнему значимый показатель, но при этом его рост должен оставаться в пределах, диктуемых сменой парадигмы развития.

Вновь напомним еще об одном аспекте, актуализирующем проблему чрезмерной численности населения. Суть его в том, что становление информационно-цифровой эпохи сопровождается резким сокращением потребности в рабочей силе. Так, по предварительным прогнозам, в ближайшей перспективе сократится от 20 до 80% рабочих мест, но тем самым сократится потребность и в росте численности населения. Избыточная рабочая сила уже превратилась в весьма непростую проблему в странах, лидирующих в освоении NBIC-технологий, но это только начало.

Заслуживает внимания и такой аспект негативного воздействия на биосферу чрезмерной численности населения, как его избыточное индивидуальное потребление, границы которого предопределены уровнем доходов, имеющих тенденцию к повышению. Предварительно напомним лишь, что социальная структура капиталистического общества весьма неоднородна, будучи представленной собственниками объектов реального сектора и не собственниками, т. е. наемной рабочей силой, а таковой ныне порядка 95% в развитых странах. Их классовое неравенство получает зеркальное отражение в имущественном неравенстве, порожденном неравенством в доходах. А само классовое положение индивидуума предопределено множеством вполне объективных факторов. Так, в формировании класса собственников весьма значима врожденная одержимость «капиталистическим духом, духом предпринимательства и торгашества» (Зомбарт, 2004), что особенно наглядно проявляется и в современной России, едва вступившей в эпоху капитализма.

Неравенству в доходах и как следствие имущественному учеными уделяется ныне огромное внимание ввиду его негативного воздействия на социальное равновесие в стране. Напомним хотя бы о монументальном исследовании данной проблемы французским ученым Т. Пикетти. Между тем такое неравенство выступает всего лишь слепком имманентной капитализму социальной структуры общества. Более того, в качестве такового оно не только не устранимо при капитализме, но предстает движущим мотивом продвижения и по карьерной, и по социальной лестнице. Так, в пределах классовой принадлежности к наемному труду рост доходов достигается повышением квалификации труда, обретением весьма востребованных новых профессий. Возможен вариант и удвоения наемным работником своего социального статуса, например, широко доступным и даже поощряемым самими корпорациями обретением акций. Тем самым не только обеспечивается рост жизненного уровня, но все более размывается социальная структура современного общества. А это свидетельствует об эволюции капитализма в иную экономическую систему, адекватную информационно-цифровой эпохе, способную ее освоить.

Однако неравенство не чуждо и классу собственников, продвижение внутри которого вверх – в число миллионеров и миллиардеров – осуществляется приумножением накопленного имущества. Тем более не чуждо ему самоутверждение в мире бизнеса в качестве наиболее успешного еще и широко распространенным демонстративным характером личного потребления вплоть до полной утраты разумных пределов, когда объектами личной собственности становятся не только предметы роскоши и искусства, но и самолеты, вертолеты, яхты и даже острова.

Справедливости ради еще раз отметим, что чрезмерное личное потребление присуще всем социальным слоям капиталистического общества, коль скоро в нем доминирует человек экономический. Примечательно и то, что чрезмерность в имущественном богатстве дополняется еще и чрезмерным личным потреблением, сопровождающимся излишним весом, разрушительным не только для окружающей природы в качестве дополнительной нагрузки (фактически численность населения Земли оказывается еще большей), но и для самого его обладателя как представителя фауны, чему он, однако, не придает никакого значения. И это притом, что по утверждению ученых, уже ныне смертность от ожирения превзошла смертность от голода. Вспомним и религию: чревоугодие признается ею смертным грехом номер один, но им не брезгают и ее служители, грех не предстает сдерживающим фактором. Таковых «счастливых» ныне в благополучных странах (и в современной России) не менее 60% (практически все взрослое население). ВОЗ разработала даже международный индекс массы тела (его значение не должно быть более 24). Индекс тем более значим в качестве ориентира, если исходить из того, что, как установлено современной медициной, пожизненный вес 18-летнего возраста – фактор здоровья номер один (чем короче талия, тем длиннее жизнь – так гласит давно забытая за ненужностью народная мудрость). Впору и в самом деле безотлагательно вводить налог на излишний вес, самостоятельно человек экономический от него отказываться не способен. Недавно прозвучавшее предложение о его введении делает честь ныне покойному лидеру ЛДПР, тем более, что сам он обладал им. Вводить, хотя и запозданием, коль скоро человек разумный в облике экономического добровольно его регулировать не способен. И уж вовсе глух человек экономический к эстетической стороне излишнего веса, но глухи даже представители всех видов искусства (кроме балета – увы, таковы жесткие профессиональные ограничения).

Примечательно с точки зрения политэкономии и то, что имущественное неравенство, ныне достигшее действительно чудовищных масштабов, не стало фактором обострения классовой борьбы в ее классическом виде, т. е. борьбы вплоть до революции. Не стало из-за растущего по мере индустриализации жизненного уровня и работников наемного труда, не стало, так как вызывает не столько чувство зависти, сколько стремление к собственному продвижению в трудовой деятельности. Растущего ввиду превращения наемной рабочей силы в человеческий капитал по мере интеллектуализации труда, значимого не менее физического, что также подрывает отношения эксплуатации.

Такое превращение наряду с удвоением социального статуса путем участия в различных частных формах ассоциированной собственности в качестве инвестора вплоть до приобретения акций убедительно свидетельствует о явном размывании социальной структуры современного общества. А само ее размывание есть следствие «размывания субстанции собственности», впервые в науке отмеченное Й. Шумпетером (Шумпетер, 1995, с. 215) еще в первой половине XX в., в полной мере присущее формам «ассоциированной собственности». Сами эти формы явились следствием эволюции индивидуальной собственности в формы ассоциированной, впервые в науке подвергнутой анализу еще К. Марксом (Маркс, Энгельс,

1955, Т. 25, ч. 1, гл. 27). Им же было введено и понятие ассоциированной собственности, однако термин так и не получил всеобщего признания, хотя более точного в науке не появилось и поныне. К формам ассоциированной собственности сам Маркс относил кооперативную и акционерную (но их больше), где собственником ее объекта выступает ассоциация (товарищество, кооператив, АО), а каждый ее член – собственником-инвестором, все более освобождающимся от функции управления (воистину «праздный класс»). Представляется, что именно такова исходная форма размывания субстанции собственности – разграничение функций собственника в облике ассоциированной. Следствием такого разграничения явилось превращение собственника в инвестора, что в свою очередь чрезвычайно способствовало росту численности «праздных» собственников, усугубленной ныне еще и институционализацией отношений данной формы собственности, особенно присущей ее англосаксонской модели, с одной стороны, формированию особой прослойки внутри лиц наемного труда – менеджмента, с другой, заведомо выпадающих из числа эксплуатируемых вопреки их классовой принадлежности.

Отметим и столь важный фактор размывания социальной структуры современного общества, как расширение масштабов государственной собственности, также представляющей формой ассоциированной, но не частной вследствие масштабов ассоциации ее собственников. Статусом собственников ее объектов, формируемых за счет налоговых поступлений, обладают все члены общества. А сами налоговые поступления в бюджет неизменно растут, начиная со второй половины XX в., составляя ныне от 25 до 48% от ВВП, что свидетельствует о возрастании роли государства как макроэкономического субъекта, весьма существенно корректирующего рыночный механизм посредством проведения многоаспектной экономической политики, в том числе инновационной и структурной. Среди множества работ, посвященных экономической деятельности современного государства, достойное место занимает и монография В.Танци (Танци, 2018, с. 584).

Стоит, однако, особо подчеркнуть, что расширением масштабов государственной собственности упраздняется лишь монополия частных форм собственности, но не сами они как таковые. Каждая из них традиционно занимает экономические ниши, адекватные их экономическому потенциалу, в противном случае неизбежно снижение эффективности функционирования каждой из ниш, а тем самым – экономики в целом. Равно как каждой из них присуща ориентация на инновационное развитие, ныне – на освоение NBIC-технологий, реализуемая в пределах своего инновационного потенциала, приумножаемого их тесным взаимодействием. Так, «инновационные компании в одном только 2015 г. вложили 1,8 млрд долл. в стартапы, связанные с коммерческим освоением космоса» (Шваб, 2022).

Иными словами, упразднение монополии частных форм собственности отнюдь не снижает инновационной активности частного бизнеса. Так, ключевая роль в финансировании инновационных исследований и разработок на Западе и поныне принадлежит частному бизнесу: «его доля превышает 60%, составляя в Японии 78%, в Южной Корее – 74%, в США – 67%» (Ерошкин, 2011). Но и доля государства в общих инновационных расходах велика, составляя в среднем 28% бюджетных расходов, но при этом доля в финансировании военных расходов достигает 58% (Ерошкин, 2011).

Иными словами, государство отнюдь не в стороне, также занимая адекватные его природе экономические ниши, и прежде всего – это сфера обеспечения национальной безопасности. Но в их числе и все более значимые: здравоохранение, экология, фундаментальная наука, а ныне и проблема занятости ввиду угрозы массовой технологической безработицы (так, например, уже в ближайшей перспективе автомобили не только ездить будут без водителей, но и производиться без людей), различные отрасли инфраструктуры, транспортной прежде

всего. Ныне это еще и активное финансирование наиболее перспективных, но рискованных вследствие их принципиальной новизны инновационных проектов. Именно таковы практически все технологии Четвертой промышленной революции, вследствие чего, как отмечает К. Шваб, «...необходимы совместные усилия экспертов, правительства и бизнеса в развитии и внедрении инновационных технологий» (Шваб, 2022). Он же приводит данные о финансировании Национальной нанотехнологической инициативы США министерствами страны, более 10 лет превышающее 1 млрд долл. (Шваб, 2022). В качестве макроэкономического субъекта государство еще и корректирует деятельность частного бизнеса в целях наиболее эффективного решения общенациональных проблем прежде всего через механизм налоговой политики как обеспечивающей ему поступление средств, необходимых для финансирования экономических ниш, адекватных природе государственной собственности. Но в их развитии не в меньшей мере заинтересован и частный бизнес.

Итак, не имущественное неравенство как таковое свидетельствует об исчерпании потенциала капитализма как системы экономических отношений, но экологический кризис, порожденный не имеющими разумных границ масштабами личного потребления на обоих классовых полюсах. Именно на обоих, так как чрезмерное потребление в самых разных формах не чуждо представителям всех социальных слоев, хотя и в пределах возможного. Мера избыточности действительно разная, но порыв единый. Такова природа имманентного капитализму человека экономического, по которому ныне так громко «звонят колокола». Масштабами избыточного потребления, усугубляющего чрезмерную численность населения планеты Земля, вносится весомый вклад в разрушение биосферы, ныне чреватое гибелью человечества. Хватит ли его осмотрительности, чтобы не проскочить точку невозврата, если таковая еще не пройдена, – вопрос остается открытым.

Устойчивый курс на милитаризацию как фактор углубления экологического кризиса

Есть еще одно весьма значимое обстоятельство, усугубляющее экологическую катастрофу, не только не чуждое и капитализму, но многократно им приумноженное благодаря освоению индустриализации – милитаризация экономики. Справедливости ради сразу отметим, что склонность человека к агрессии сопровождает всю историю человечества, щедро насыщенную войнами вплоть до самоубийственных мировых, потери от которых меркнут даже по сравнению с текущей пандемией. На локальном уровне они не прекращаются и поныне, хотя их негативные последствия значимы при современном уровне глобализации для всего человечества. Невольно напрашивается ныне нередкое сравнение войн с пандемией по ее воздействию на численность населения, а войнами эта численность фактически регулируется (по мнению многих ученых и политиков, первая мировая война не имела никаких серьезных оснований). По крайней мере таков их побочный «эффект».

В стремлении к агрессии в решении своих экономических проблем капитализм не стал исключением, так как экономический рост достигается в случае необходимости и военными методами. Такова борьба за раздел и передел мира, за рынки сбыта, за источники природных ресурсов, за выгодные сферы приложения капитала. При этом нравственные нормы поведения экономически заинтересованными сторонами попросту отбрасываются.

Не менее значима и современная гонка вооружений на опережение, негативные последствия которой не подвергаются лидерами ни в политике, ни в бизнесе здравому осмыслению. Ни человеческая жизнь, ни тем более природа не вызывают сожаления. И даже достигаемое в

этой гонке нередкое равновесие не исключает стремления враждующих сторон к опережению в ней вопреки всяким международным договоренностям. Человечество, обладая ныне ядерным оружием, тем не менее и по сей день не осознает того, что «единственная альтернатива миру – самоуничтожение» (Тойнби, 1991). Стоит ли приумножать опасность экологической катастрофы еще и опасностью развязывания не менее сокрушительной ядерной войны? Или, как пишет ныне всемирно известный израильский ученый Ю.Н. Харари, проблема состоит «в недооценке человеческой глупости», вследствие которой она и поныне не разрешима. Чем иначе можно объяснить достижение очередного мирового рекорда в масштабах военных расходов в условиях борьбы с пандемией, с голодом, с экологическим кризисом. Так, совокупный объем военных бюджетов всех стран мира достиг в 2021 г. рекордной суммы – 2, 113 трлн долл. (Лакстыгал, Мишутин, 2022, с.5).

Отметим также, что в XX в. наращиванию ВПК весьма способствовало еще и мощное идеологическое противостояние капитализма и социализма, сопровождавшееся столь же мощным военным. Социалистическими лидерами вполне осознавалось, что капиталистические страны на путь социализма мирным путем не свернуть. Но не предвиделось и другое: достигнутое немалыми усилиями лидерство в гонке вооружений не позволило им не только социализм, но и страну – Родину социализма – сохранить. И социализм, и страна рухнули без единого выстрела по причинам, и поныне не вполне осознанными учеными. Бесспорным представляется лишь то, что слишком глубокими оказались накопленные за годы социализма противоречия, встроенным механизмом разрешения которых социализм не обладал вследствие своей «незаконорожденности», по крайней мере в эпоху индустриализации. И даже вновь формируемая в недрах современного капитализма система весьма отлична от марксистской модели социализма с принудительным, т. е. по воле политических лидеров революционного толка, всеобщим огосударствлением экономики, каковую Россия сполна апробировала, выявив ее экономическую несостоятельность. Отлична прежде всего тем, что государственная собственность формируется отнюдь не путем насильственного вытеснения ею частных форм. В этом нет необходимости, так как каждая из форм собственности занимает лишь адекватные своему потенциалу экономические ниши. Однако и с упразднением противостояния капитализма и социализма гонка вооружений едва ли ослабла. По-прежнему сохраняется традиционное стремление к достижению мирового лидерства.

Разум человека, этого «венца творения», и поныне не способен решать конфликты мирным путем, слишком устойчивы границы его разума как человека экономического. Пока есть всего лишь надежда, что преодолению они подвергнутся по мере его перерождения в человека интеллектуального, все более востребованного освоением информационно-цифровой эпохи. Именно интеллектуал способен освободиться от бремени вещественного богатства (и соответственно от войн, сулящих его приумножение), о чем в частности весьма наглядно и убедительно свидетельствует устойчивое расширение шеринг-экономики. Накопление интеллекта для него становится предпочтительнее накопления личного вещественного богатства в облике предметов недвижимости. Однако тем самым отношения собственности не упраздняются, меняется лишь соотношение ее форм, характер взаимодействия между ее субъектами. Еще более примечательно и значимо все большее распространение ее особой формы – интеллектуальной, «средством производства» продукта которой выступает интеллект собственника, а сам продукт не отчуждаем от его творца. Складывается совершенно особая система отношений по поводу «присвоения» его продукта.

Современная ситуация усугублена не только реальностью ядерной войны ввиду неспособности *Homo sapiens* решать мирным путем экономические, политические и прочие

проблемы. Осложнена она еще и освоением новейших технологий, далеко неоднозначных по своим последствиям. Например, цифровые технологии в качестве крупных энергопотребителей также весьма щедры в качестве поставщика парникового газа. Именно потому их освоение требует особой осмотрительности, на что обращают внимание многие ученые. Так, Ю.Н. Харари пишет: «...слияние ИТК и биотехнологий открывает путь к огромному числу катастрофических сценариев, от цифровых диктатур до появления глобального класса ненужных людей» (Харари, 2021, с. 416). Еще раз подчеркнем, что последнее обстоятельство придает особый драматизм ситуации, складывающейся на современном рынке труда. Если капитализм породил избыточную относительно потенциала биосферы численность населения, то посткапитализм формирует на фоне этой избыточности «глобальный класс ненужных людей» в облике технологической безработицы, порождаемой освоением NBIC-технологий, чем ситуация избыточности еще более усугубляется. Так, в США риску автоматизации подвергается от 10% до 50% всех рабочих мест (Шваб, 2022). В условиях современного уровня глобализации требуются огромные и согласованные на международном уровне усилия макроэкономических субъектов, равно как и представителей крупного бизнеса в облике ТНК для успешного решения проблемы занятости. Не следует забывать и о том, что немалыми драматическими последствиями может обернуться и «цифровая диктатура».

И все же становящаяся новая система экономических отношений, как и всякая иная не лишенная противоречий, потенциально несет в себе гарантию успешного решения как унаследованных проблем, так и порождаемых становлением новой системы. Суть этой гарантии усматривается автором в смене экономических систем, что находит выражение во множестве явлений, но прежде всего – в упразднении имманентной капитализму монополии частных форм собственности утверждением государственной и формированием на ее основе макроэкономического субъекта, способного не допустить перерастания экологического кризиса в экологическую катастрофу, чреватую опасностью уничтожения человечества. Способного, так как, будучи макроэкономическим субъектом, государство несет в себе иную целевую установку – установку на решение общенациональных проблем путем привлечения всех социальных слоев населения, всех институтов гражданского общества, корректируя экономическую деятельность и частного бизнеса, ориентируя ее на решение этих проблем.

Исчерпание потенциала индустриально-капиталистического развития как исчерпание монополии частных форм собственности

С освоением индустриализации капитализм более чем преуспел ввиду многоаспектной адекватности присущей ему системы экономических отношений данному этапу в развитии производительных сил. В числе этих аспектов наиболее значимый – направленность экономической деятельности собственника на реализацию вытекающей из природы капиталистической частной собственности целевой установки на максимизацию прибыли, достигаемой в жесткой конкурентной борьбе неизменной ориентацией хозяйствующих субъектов на инновационное развитие. Такое развитие обеспечивалось последовательным освоением трех промышленных революций, вобранных историей индустриализации. Более того, освоением каждой последующей вследствие кратного повышения производительности общественного труда создавалась материальная основа для разрешения социально-экономических противоречий, накопленных в годы освоения предшествующей, чем исключался преждевременный уход капитализма с исторической сцены. Их положительное разрешение достигалось путем повышения жизненного уровня, улучшения условий труда и быта работников наемного труда, сокращением продолжительности рабочего дня, что и явилось основным фактором ослабления

классового противостояния. Тому не воспрепятствовало даже нарастание сверх всякой меры неравенства в доходах, будучи объективно предпосланным природой капитализма.

Ослаблением остроты противоречий продлевалась история капитализма вплоть до полного завершения им индустриализации, сопровождающегося постепенным опустошением заводских цехов, тем самым и сферы отношений эксплуатации. Его преждевременной смерти ни на стадии классического капитализма с доминированием индивидуальной частной собственности (исчерпывающий анализ которой был осуществлен К. Марксом, отнюдь не утративший значимости и для последующих), ни на стадии корпоративного капитализма, получившей в экономической науке название монополистического капитализма, империализма, с доминированием акционерной собственности в сфере материального производства, не случилось. На заключительном этапе капитализма, а это вторая половина XX в., окончательно трансформируется в посткапитализм вполне естественно-эволюционным путем. Непосредственной причиной такой трансформации явилось завершение индустриального развития, сопровождавшееся исчерпанием потенциала биосферы эпохой индустриально-капиталистического развития. Исчерпанием, предпосланным безоглядным наращиванием вещественного богатства, усугубленным еще и непомерным ростом численности населения планеты, в свою очередь приумноженной склонностью населения к избыточному потреблению. Таким исчерпанием и был предпослан заключительный аккорд в истории капитализма, прозвучавший полным драматизмом экологическим кризисом, что и отрезвило наконец зарвавшееся человечество.

Материальной основой ее предотвращения предстало освоение качественно нового этапа в развитии производительных сил – информационно-цифрового, представшего в облике Четвертой промышленной революции. Адекватной этому этапу системе экономических отношений присуще более осмысленное взаимоотношение человека с природой во всех сферах его жизнедеятельности. Направленность на решение социально-экономических проблем в условиях освоения NBIC-технологий приобретает решающее значение. Но прежде всего это направленность на преодоление экологического кризиса во всех его аспектах и борьба с порожденной им пандемией в целях предотвращения очередных ее волн. Не менее важна осмотрительность и относительно негативных последствий освоения неведомых ранее инновационных технологий.

Изменения, которые претерпевает капитализм как система экономических отношений, особенно активно начиная с рубежа XX–XXI вв. и по настоящее время, столь существенны, что не остались незамеченными учеными. Тем не менее ими лишь корректируется название капитализма: «капитализм для всех заинтересованных сторон» в интерпретации Клауса Шваба, «новая форма капитализма» в определении Ала Кэмпбелла, «инклюзивный капитализм» в концепции Ватикана, выдвинутой им в декабре 2020 г. Отметим, что такому отождествлению способствует то обстоятельство, что новая система не отбрасывает старую, но вбирает ее в себя. Вбирает, однако, в существенно преобразованном виде, чему не придается особого внимания. Так, сохраняются частные формы собственности с присущей им целевой установкой, но их экономическая деятельность подвергается существенной корректировке со стороны макроэкономического субъекта. Сохраняется и присущий им рыночный механизм хозяйствования, но уже в тесном взаимодействии с плановым, присущим высшим формам ассоциированной собственности, а это частная акционерная и нечастная государственная, чем существенно укрощается рыночная стихия. Преодолевается замкнутость исключительно на частных интересах с углублением общественной солидарности по мере размывания социальной структуры общества. Все более широкое распространение интеллектуальной собственности сопровождается появлением шеринг-экономики, в свою очередь свидетельствующей о

растущей утрате интереса интеллектуала к обладанию объектами личной собственности, обрекающему его как такового. Растущая интеллектуализация труда способствует устойчивому росту гигномики, в ней – фрилансерства.

В авторской интерпретации формирующаяся в недрах капитализма экономическая система предстает не капиталистической и не индустриальной, т. е. не промышленной. Не капиталистической, так как разрушена монополия частных форм собственности, уже приобретшей права гражданства государственной, способной не только обуздать жажду накопления субъектов частных ее форм корректировкой их экономической деятельности на реализацию общенациональных интересов и тем спасти человечество от экологической катастрофы, но и способствовать освоению технологий Четвертой промышленной революцией методами экономической политики во всем многообразии ее аспектов. Вместе с тем растущее всевидение государства требует безупречных государственных лидеров с точки зрения масштаба их мышления, уровня профессионализма, компетентности, соответствия нравственным нормам поведения. Тем более важен контроль со стороны институтов гражданского общества.

Как уже отмечалось, исходным пунктом преобразования капитализма в посткапитализм представляется процесс «размывания субстанции собственности», присущий частным формам ассоциированной. Но уже К. Маркс называл акционерную собственность, представляющую высшей среди ее частных форм по масштабам ассоциации собственников, общественной, а потому отнюдь неслучайно занявшей ведущие позиции в сфере материального производства еще в эпоху корпоративного капитализма. Общественной Маркс признает и промышленность, на ней основанную, и даже акционерный капитал. Акционерная форма собственности действительно обретает характер общественной, но в пределах ассоциации, представляющей в облике АО. Ею как общественной и порожден механизм планирования в границах корпорации, механизм корпоративного планирования при сохранении рыночного во взаимодействии с внешним миром.

Не менее существенно в этом процессе и то, что собственник-акционер оказывается прежде всего инвестором, определяющим преимущественно стратегию развития АО. Функции оперативного управления переданы им особой прослойке внутри лиц наемного труда – менеджменту, техноструктуре, значимой не менее собственника ввиду равной важности выполняемых ими функций. Характер классовых отношений между ними сохраняется. Но он принципиально иной, отнюдь не эксплуататорский, к тому же щедро обогащенный оппортунистическим поведением техноструктуры, позволяющим ущемлять интересы инвесторов. Нечеловечно выдающимся американским инвестором, создателем индексных паевых фондов, Дж. Боглом был даже выдвинут лозунг: «Собственники всех стран, объединяйтесь!». Такова ирония истории.

Процесс размывания субстанции собственности повлек за собой размывание и социальной структуры общества. Прежде всего это находит выражение в резком возрастании числа собственников-акционеров ввиду отделения функций инвестора от функций управления. Аналогичный процесс присущ и низшим формам ассоциированной собственности, на которых основаны товарищества (вспомним Райффайзена – основателя кредитных товариществ в Австрии еще в XIX в., к исходу жизни создавшего их более 800), кооперативы (достоин памяти и английский социалист-утопист Р. Оуэн, первый в истории предпринявший заведомо обреченную на неудачу попытку построить на их основе модель социализма – кооперативного), трудовые коллективы.

Размыванию социальной структуры современного общества в немалой мере способствует и устойчивое расширение сферы услуг, тем более, что предоставление многих из них персонифицировано. Но особенно значим рост в ней интеллектуальных услуг, что в свою очередь явилось фактором устойчивого роста самозанятости. А самозанятым не только не ведомы отношения эксплуатации, но большинству из них, и прежде всего это фрилансеры, удается превратить хобби, а это тоже труд, но выполняемый с удовольствием, как было отмечено еще Б. Шоу, в основной источник доходов. В настоящее время около 30% работающих в США относится к категории самозанятых граждан (Львова, 2019, с. 111), но и в России их численность растет. Особенно стремительно рынок фриланса растет в Москве. Так, только «за один 2021 г. самозанятые перечислили около 3 млрд. руб. налогов в бюджет Москвы, что почти в 4 раза превысило аналогичные поступления за 2020 г.» (Дорожный, 2022, с.3). Есть основания полагать, что идет процесс возрождения отношений простого (докапиталистического мелкого) товарного производства эпохи Аристотеля (им же впервые и подвергнутого анализу), но на принципиально иной материальной основе.

Примечательно и то, что расширением сферы распространения ассоциированных форм собственности углубляется процесс социализации в обществе, чем преодолевается замкнутость на классовых интересах, постепенно стирается четкое классовое деление, что способствует концентрации и все большей консолидации внимания общества на решении общенациональных проблем.

Представляется, что все эти процессы свидетельствуют о формировании в недрах капитализма иной системы экономических отношений, весьма отличной от монопольного положения отношений частной собственности, основанных на кооперации наемного труда. Системы иной, экономические отношения которой адекватны качественно новому этапу в развитии производительных сил. Такова исходная предпосылка успешного его освоения с позиции методологического подхода, вне которого нет и теории.

Заключение

Итак, суть авторской концепции сводится к тому, что экологический кризис есть детище индустриально-капиталистического развития, а потому преодолимого лишь сменой экономических систем. Время, отведенное историей капитализму как особой экономической системе, имеющей своим историческим назначением осуществление индустриализации, как представляется, сполна им исчерпано. Доказательство тому – сведение к минимуму живого труда в сфере материального производства, достигнутое успешным в развитых странах освоением трех промышленных революций, вобранных историей индустриализации, что и позволило приступить к освоению новых технологий. Тем самым завершается история капитализма как индустриального (со стороны производительных сил) способа производства и как системы отношений частной собственности, основанной на кооперации наемного труда.

Самым естественным образом индустриально-капиталистическое развитие сопровождалось хищническим использованием природных ресурсов, что в конечном счете обернулось доведенным ныне до крайней степени обострения экологическим кризисом. Ситуацией начинает управлять биосфера, у которой, как оказалось, «...есть множество “стратегий” (как реакций обратных связей ее гомеостатов), чтобы вовремя убрать человечество с лица Земли, как свою “раковую опухоль”, – и сохранить Жизнь на Земле!» (Субетто, Чекмарев, 2021, с. 233). Одним из направлений этой стратегии и предстала пандемия, подпитываемая все новыми штаммами, свидетельствующими о том, что шансы на победу биосферы в ее противостоянии

с человечеством далеко не исчерпаны. Именно поэтому столь важно человечеству не опоздать в предотвращении экологической катастрофы.

С точки зрения политической экономии в предотвращении экологической катастрофы решающее значение имеет смена экономической системы иной, материальной основой становления которой предстает освоение NBIC-технологий, технологий Четвертой промышленной революции. Успехи на данном поприще гарантируются новой экономической системой уже тем, что ей присуща принципиально иная целевая установка, иная парадигма развития, парадигма устойчивого социо-эколого-экономического развития, в границах корпоративного сектора трансформированная в ESG. В свою очередь она весьма противоречива, что требует немалой осмотрительности при сбалансированности ее составляющих: социальной, экологической, экономической.

Становящееся общество предстает не капиталистическим прежде всего вследствие упразднения монополии частных форм собственности становлением государственной, общенародной по своему экономическому происхождению и содержанию, а сама государственная становится основой превращения государства в макроэкономического субъекта. Государства, выступающего ныне «сторожем», отнюдь не «ночным», но круглосуточным и к тому же вездесущим. Общество новое, но не социалистическое в его марксистской трактовке, так как частные формы собственности сохраняются вследствие их адекватности по своему экономическому потенциалу экономическим нишам. Но приоритетными в нем становятся общенациональные интересы, в числе которых здравоохранение, образование, наука, коль скоро очередная промышленная революция, как и предшествующие, – детище фундаментальных наук. Во имя более полной реализации общенациональных интересов корректируется деятельность и частного бизнеса любого формата, что не только не противоречит его интересам (здоровый климат, физически здоровая и высокообразованная рабочая сила, развитая фундаментальная и прикладная наука), но, напротив, способствует достижению им его экономических интересов в границах ESG.

Оказавшаяся столь драматической смена капитализма посткапитализмом ввергла современную мировую экономику в состояние переходной, заведомо чрезвычайно сложное, насыщенное как унаследованными, так и вновь формирующимися социально-экономическими противоречиями. В числе унаследованных прежде всего экологический кризис, в числе вновь формируемых – проблема занятости, порождаемая массовым освоением NBIC-технологий и усложненная перенаселенностью планеты. Проблема, острота которой гасится внедрением ББД в качестве превентивной меры, в качестве таковой призванна всего лишь покрыть временной лаг. Но не более того, так как ее сохранение за его пределами чревато порождением новой формы иждивенчества, заведомо не лишённого негатива.

Насыщена современная эпоха и традиционной борьбой за инновационное лидерство в мировом экономическом и политическом пространстве. Борьбой, осуществляемой далеко не только экономическими средствами, к тому же далеко не всегда безупречными, что препятствует безотлагательному решению жизненно значимой проблемы преодоления экологического кризиса. Фактор времени чрезвычайно важен, а потому всякого рода привходящие конфликты, ограничивающие инвестиционный и человеческий потенциал инновационного развития, в данной ситуации неуместны вдвойне.

И последнее замечание. Становлением новой экономической системы действительно востребована и новая политическая экономия, в устах лидеров ООН звучащая как «политэкономия устойчивого развития». Однако ее задача отнюдь не сводима к обоснованию только

смены парадигмы развития. Предстоит теоретически осмыслить весь комплекс принципиально новых экономических отношений, материальной основой становления которых станут технологии Четвертой промышленной революции.

Список литературы

- Баландин Р.М. Беречь природу // Новый мир. 1969. № 3.
- Бобылев С.Н. Устойчивое развитие: новое видение будущего // Вопросы политической экономии. 2020. Вып. 1.
- Дорожный В. Особенности работы на себя в условиях неопределенности // Ведомости. 2022. 29 марта.
- Гайсин Р.С. Мировая продовольственная проблема в условиях глобального демографического перехода // Экономика сельского хозяйства России. 2021. № 9.
- Гутерриш А. Мир пылает // Ведомости. 2022. 30 июня.
- Ерошкин М.А. Современные тенденции финансирования инноваций в ведущих зарубежных странах // Экономический анализ: теория и практика. 2021. № 21 (228).
- Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М.: Айрис-пресс, 2004.
- Красникова Е.В. Акционерная собственность: все о ней, вездесущей // Горизонты экономики. 2017. № 1 (34).
- Красникова Е., Хаматханова А. Акционерная собственность в современной экономике России. Lambert Academic Publishing RU, 2017.
- Львова М.И. Перспективы налогообложения самозанятых лиц в России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 2.
- Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики: В 2 т. Т. 2. М.: Эконов, 1992.
- Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
- Мокир Дж. Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
- Лакстыгал И., Мишутин Г. Военный рекорд мира // Ведомости 2022. 26 апреля. Новая газета. 2019. № 113. 8 окт.
- Печчеи А. Человеческие качества. М.: Изд-во «Прогресс», 1986.
- Саммерс Л.Г. Принятие долговременной стагнации как реального факта // Финансы и развитие. 2020. Март. С. 17.
- Ставинский И. Капитализм сегодня и капитализм завтра. М.: Изд-во «УРС», 1997.
- Субетто А.И., Чекмарев В.В., Ветка В.Н. Тарасевича в вазе политэкономической науки (гопак вокруг вазы) // Вопросы политической экономии. 2021. В. 3.
- Танци В. Правительство и рынки: Меняющаяся экономическая роль государства М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.
- Тишков А. Экологический алармизм как метод конкурентной борьбы // Ведомости. 2021. 30 сентября.
- Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.
- Фаллико А. Пандемия – дочь неолиберализма // Ведомости. 2021. 11 нояб.
- Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века. М.: Синдбад, 2021.
- Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции. М.: Эксмо, 2022.
- Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1998.

Theoretical Issues

THE ECOLOGICAL CRISIS AS A CONSEQUENCE OF THE POTENTIAL INDUSTRIAL-CAPITALIST DEVELOPMENT EXHAUSTION: POLITICAL ECONOMIC ASPECT

Evgeniya V. Krasnikova

*PhD in economics, Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics
(Moscow, Russia)*

Abstract

The novelty of the work consists in an attempt to substantiate the origin of the ecological crisis from the point of view of political economy. It is seen by the author in the exhaustion of the potential of industrial-capitalist development due to the completion of capitalism's historical mission - industrialization as a special stage in the development of productive forces, and thereby its own history. His goal of profit maximization was generated by the paradigm of economic growth, measured by its iconic indicator of GDP, the limitless increase of which was invariably accompanied by the predatory use of natural resources, which eventually turned into an environmental crisis, now brought to the state of ecological catastrophe. Overcoming it is a function of a different system of economic relations, focused not on profit maximization, not on economic growth, but on balanced socio-ecological and economic development, implemented now by the active introduction of ESG principles, presupposed by the formation of a new economic system in the depths of capitalism, starting from the second half of the twentieth century.

Keywords: capitalism, paradigm of economic growth, ecological crisis, post-capitalism, paradigm of sustainable development.

JEL: G32, P14, P16, Q01, Q56.

For citation: Krasnikova, E.V. The Ecological Crisis as a Consequence of the Potential Industrial-Capitalist Development Exhaustion: Political Economic Aspect. Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal, vol. 14, no. 3, pp. 25-47. DOI: 10.38050/2078-3809-2022-14-3-25-47.

References

Balandin R.M. Berech' prirodu [Preserve nature]. Novyy mir [New world], 1969, no. 3 (In Russian).

Bobylev S.N. Ustoychivoe razvitiye: novoe videnie budushchego [Sustainable development: new vision of future]. Voprosy politicheskoy ekonomii [Political economy issues], vol. 1, 2020 (In Russian).

Dorozhnyy V. Osobennosti raboty na sebya v usloviyakh neopredelennosti [Specifics of work for yourself under uncertainty]. Vedomosti [Records], 29.03.2022. Samozanyatyie – 2022 [Self-employed] (In Russian).

Gaysin R.S. Mirovaya prodovol'stvennaya problema v usloviyakh global'nogo demograficheskogo perekhoda [International food problem under global demographic transition].

Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii [Agricultural economics in Russia], 2021, no. 9 (In Russian).

Guterrish A. Mir pylaet [The world is flaming]. Vedomosti [Records] 3 117 (5513), 30.06.2022 (In Russian).

Eroshkin M.A. Sovremennye tendentsii finansirovaniya innovatsiy v vedushchikh zarubezhnykh stranakh [Modern trends of innovations financing in the leading foreign countries]. Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika [Economic analysis: theory and practice], 21 (228), 2011.

Zombart V. Burzhua. Evrei i khozyaystvennaya zhizn' [Bourgeois. The Jews and modern capitalism]. M.: Ayris-press [Ayris-Press publishing house], 2004 (In Russian).

Krasnikova E.V. Aktsionernaya sobstvennost': vse o ney, vezdesushchey [Joint stock ownership: all about it, omnipresent]. Gorizonty ekonomiki [Horizons of economics], no.1 (34), 2017 (In Russian).

Krasnikova E., Khamatkhanova A. Aktsionernaya sobstvennost' v sovremennoy ekonomike Rossii [Joint stock ownership in modern Russian economy]. Lambert Academic Publishing RU, 2017 (In Russian).

L'vova M.I. Perspektivy nalogooblozheniya samozanyatykh lits v Rossii [Prospects of taxation of self-employed in Russia]. Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava [Altai academy of economics and law herald], 2019, no. 2 (In Russian).

Maltus T. Opyt o zakone narodonaseleniya [An essay on the principle of population]. Antologiya ekonomicheskoy klassiki v dvukh tomakh [Anthology of classics of economics in two volumes] Vol. 2 Moskva Ekonov [Ekonov publishing house], 1992 (In Russian).

Marks K. i Engel's F. Sochineniya. Izdanie vtroe [Works. Second edition]. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury [State publishing house of political literature], 1955 (In Russian).

Mokir Dzh. Rychag bogatstva. Tekhnologicheskaya kreativnost' i ekonomicheskiy progress. [Wealth leverage] M.: Izd-vo Instituta Gaydara [Gaidar institution publishing house], 2014 (In Russian).

Lakstygal, I. Mishutin G. Voennyi rekord mira [World military record]. Vedomosti [Records] 26.04.2022 (In Russian).

Novaya gazeta [New gazette], no. 113 08.10 2019 (In Russian).

Peccei A. Chelovecheskie kachestva [The human quality]. Izd-vo «Progress» [Progress publishing house], 1986 (In Russian).

Summers L.G. Prinyatie dolgovremennoy stagnatsii kak real'nogo fakta [Accepting long term stagnation as a real fact]. Finansy i razvitie [Finance and development] March 2020 (In Russian).

Stavinskiy I. Kapitalizm segodnya i kapitalizm zavtra [Capitalism today and capitalism tomorrow]. M.: Izd-vo «URS» [URS publishing house], 1997 (In Russian).

Subetto A.I., Chekmarev V.V. Vetka V. N. Tarasevicha v vaze politekonomicheskoy nauki (gopak vokrug vazy) [V.N. Tarasevitch's branch in the vase of political economy (gopak around the vase)]. Voprosy politicheskoy ekonomii [Political economy issues], vol. 3, 2021 (In Russian).

Tanzi V. Pravitel'stvo i rynki: Menyayushchayasya ekonomicheskaya rol' gosudarstva [The government and markets: the changing role of the state] M.: Izd-vo Instituta Gaydara [Gaidar institution publishing house], 2018 (In Russian).

Tishkov A. Ekologicheskiy alarmizm kak metod konkurentnoy bor'by [Ecological alarmism as a method of competition]. Vedomosti [Records] 30.09.2021 (In Russian).

Toynbee A. J. Postizhenie istorii [A study of history]. M.: Progress [Progress publishing house], 1991 (In Russian).

Falliko A. Pandemiya- doch' neoliberalizma [Pandemics – the daughter of neoliberalism]. Gazeta Vedomosti [Records gazette] 11.11.2021 (In Russian).

Kharari Yu.N. 21 urok dlya XXI veka [21 lesson for the XXI century]. M.: Sindbad [Sindbad publishing house], 2021 (In Russian).

Schwab K. Tekhnologii Chetvertoy promyshlennoy revolyutsii [Technologies of the fourth industrial revolution], Moscow: Eksmo [Eksmo publishing house], 2022 (In Russian).

Schumpeter J. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya [Capitalism, socialism and democracy] M.: Ekonomika [Economics publishing house], 1998 (In Russian).